

ОДИССЕЯ В ПОИСКАХ КАЙФА

О РОМАНЕ МИХАИЛА ГИГОЛАШВИЛИ «КОКА»

ДАВИД ШАХНАЗАРОВ
Родился в 1979 году в Москве.
Онучил экономический
факультет МГИМО. Начал
писать прозу в 2014 году.
В 2021-м перешел на 6-й курс
заочного факультета

Литературного института.
Публиковался с рассказами
в журналах «Новый мир»,
«Сибирские огни» и сборнике
«Новчег». Писал рецензии для
«Литературной газеты».

Большущий по нынешним временам роман разбит на три части.

Первая – комедийная амстердамская – калейдоскоп героев-историй, одиссея по квартирам в поисках кайфа, перемежаемая горами ненужной болтовни и собранием воспоминаний.

Вторая – немецкая, драматическая – персональное чистилище героя. Ломка в относительно уютном немецком диспансере.

Третья начинается в Тбилиси все в тех же поисках, обретает настоящую силу в *аду* пятигорских «Лебедей» и в эпилоге возвращается в Тбилиси, как всегда возвращался мыслями главный герой, которому нигде нет места.

Кока

«Место рождения? Год? – Пятое июня 1966 года. Грузия, Тбилиси. – Учились где-нибудь? – Да, в институте, строительном. – И что вы построили из своей жизни?.. Рост, пиши – 187... Здоровый бугай... Волосы, пиши, черные... Борода черная... Глаза... зеленоватые, что ли... Или сероватые, хрен разберет... Нос кавказский, как у всех зверей...»

Кока – безобидный кайфарик... Ему было десять лет, когда отец сбежал с любовницей в Болгарию, а мать вышла замуж за француза-офицера... Так Кока остался с бабушкой.

В детстве получил кличку Мазало, что значит “затейник, балагур, забавник, баловник, шалопут”. Только затеи Коки все связаны с «кайфом». «Люди радуются жизни – а он на что тратит свою? Ехать в Париж? Там отчим. В Тбилиси? Там холод и война. Ему будто нигде нет места».

Перед друзьями-бандитами Кока умалчивал о том, что «мазало означает еще и неужеху, фраера, у которого все из рук валится». Сев в тюрьму, Мазало превращается в Мазилу.

Хорошие советы

«Мать Этери кричала: чтоб Кока не смел убивать живое существо! Никакое! Никогда!» Кока хорошо воспитан, да только «цельными днями занят поисками денег и отравы».

На воле раскоронованный вор Нугзар советует: «Бросай кайф. Ты слишком честный для этого!» В тюрьме Нугзару вторит коронованный вор Тархан: «Отсидишь свое – уезжай в Тбилиси, книги читай или, чего доброго, пиши – в зоне много чего увидишь, на роман наберется».

Пора Коке прислушаться... Но читатель уже знает Коку...

Постепенно узнаем о методах доставки, употреблении, ломках, запахах, вкусах и ощущениях. И вроде не все так мрачно. Настоящая грузинская история – праздник рассказчика и его гостей, такую рассказывают сочно, жестикулируя и вставляя нужные словечки. Кока иронизирует, «пряча за смехом и шутками мысли о мрачном будущем. При перевозке главное – не быть худым, небритым, с красными глазами, потным лбом, трясущимися руками и в кайфе». Только такие и взяты, смеется читатель.

Друзья Коки «добрые философы-бездельники снимают похмелье йогуртом» и «имеют письменный запрет на двухнедельное посещение всех борделей Голландии». Дружба связана лекарством и предательством.

«На Тибете живет суровая живая богиня Кумар: когда она кричит – жди болезни, когда трет глаза – смерть вблизи, когда плачет – тюрьма неизбежна, когда дрожит – холод ожидает всех».

Путь вниз легко прослеживается по локациям передвижения Коки: КПЗ в Тбилиси, номер в амстердамском отеле у бандитов, очередь за лекарством в центре реабилитации в Германии, тюрьма и карцер. Понятно, что дальше. «Чернявый коп начал резко поднимать и опускать руки Лясика – никакого движения на сиреневатом лице, кроме безмятежного замкнутого счастья... Наваливалось отупелое безразличие: “Все умрем – ну и что?”»

Аллегории из жизни животного мира

«Почему-то всплыл рассказ бабушки Меи-бэбо о том, как сталинские палачи тащили поэта Тициана Табидзе с перебитыми руками и ногами с одного пыточно-го допроса на другой, а он кричал в отчаянии на всю тюрьму: “Обезьяны, я вашу мать... Зачем вы превратились в людей?..”»

Сравнение животного и человеческого – лейтмотив. «Преступный мир жесток, как жизнь в саванне. Кока не хищник: «какой из него ралтор? Травоядное копытное. Или вообще падальщик...»

Всюду иносказания: «Тяга к воде превосходит страх смерти, поэтому хищники стерегут добычу возле рек» – бандиты ждут Коку в амстердамском отеле. В главе под названием ELYSIA CHLORATICA (т. е. медуза) Кока думает – отдать деньги другу или предать его все за тот же кайф.

«Кто и зачем сделал кротов гермафродитами, а пингвинов – педерастами?.. Кто раздавил и сплющил камбалу и ската?..» – глупо и поверхностно, задорно и весело. Бесконечные вопросы создают ощущение одновременной значимости и бессмыслицы жизни: «Человек – ничтожная пылинка в бескрайней Вселенной. Зверь счастливее, ибо не знает, зачем родился. Акула, если остановится, тут же пойдет ко дну – а он далеко не акула и давно уже на дне».

Лишайная кошка Кесси, на которую не обращаешь внимания, когда трется о твои ноги, – символ европейской жизни Коки. В тюремной камере «мирно шебуршит в банке Крытник», подкармливаемый крошками домашний таракан с кли-

кухой Граф. В соседней камере у параши жрет объедки других эзков опущенный Придурок. Его, как и Графа, можно раздавить.

В повести, написанной Кокой, Иешуа воскрешает убитую собаку, а евангелиста Луку спасает бык, убивший центуриона.

Ложная гордость

О Сталине говорит Кока и бабушка Меи-бэбо, европейские друзья Коки и эзки в камерах.

Начинает казаться: все, чем гордятся грузины, – кухня, воры в законе и Сталин.

Да и сам Сталин по описанию – вор в законе: *«Эх, как Иосеб Бессарионович скончался, так и воровской мир треснул! Сосо! Вот кто воров в ражке был, да еще каким! Нищий был! Настоящий коммунист! Когда умер, три пары стоптанных сапог и на сберкнижке тринадцать рублей оставил».*

У воров, как у джедаев из «Звездных войн», страх убивает разум: *«Быть вору богатым нельзя – богач боится всегда и всего: пули, измены, подлога, бедности, тюрьмы, зависти, друзей и врагов!»*

Вежливые грузинские воры знают, как с кем разговаривать. Одна проблема: многие из них морфинисты!»

К ложной гордости отнесем и национализм: *«Русские грубы. Сам тон, каким они разговаривают, хамский, про слова уж не говорю!.. без нужды не связывайся... все русские нэ-прэд-ска-зу-эм-иэ! Гагик-джан, ты хоть и подлый армяшка, но хороший человек! Бабушка доверяет только еврейским врачам: “Они одни имеют истинное сострадание к людям, потому что сами много страдали.” Мой кент грузинцев любил, говорил: “Они хорошо умеют пять вещей: пить, есть, петь, танцевать и любить”».*

Где-то в тексте затерялось предсказание «из девяностых»: *«Народ побунтует лет десять, а потом править будет новый Сталин».*

Чем на самом деле гордятся грузины

«О, сололакский двор! Он – и высший судья, и щедрый наградитель, и вероучитель, и наказыватель...» – вот где истинная гордость грузина: *«Никакой Англии и Америки и в помине не было, когда у нас в Сололаки цвели сады!..»*

После холода Европы даже портреты знакомых людей ярче и сочнее в родном Тбилиси! Может, потому, что Кока завязал?

В Грузии война (из-за нее понимаешь, *«человеку мало надо: хлеб, вода, свет!»*) и царит сожаление: от старого Тбилиси, где все *«готовили постоянно, целыми днями... и жареная картошка, премия для всех детей мира, каждый день распускала свой неповторимый аромат»*, – не осталось и следа.

Тбилиси для Коки – бабушка. Самые теплые воспоминания и мысли в романе отданы ей. Но и здесь налицо дуализм тихой авторской позиции: бабушка – тбилисская интеллигентка – научила Коку быть вежливым (*«Да будешь вежливым, имея такую бабушку!»*), и вышел из Коки вежливый вор в законе. Почти вышел.

Немного о стиле

Если кратко, в тексте наркоманский фольклор плавно перетекает в тюремный.

Главный герой, имея хороших учителей, на глазах становится носителем этого языка: *«Вместо “спасибо” говори “благодарю”, “признателен”, вместо “пожалуйста” – “по возможности”. Нельзя “спрашивать”, надо “интересоваться”».*

Вместо “я докажу” – “я обосную”. Не “свидетель”, а “очевидец”. Крайне осторожно надо быть со словом “обидеть”, ибо “обиженные” – это первый шаг в стан опущенных. И никому не говорить “вы” – только “ты”, хоть ему сто лет в обед.

Автора подмечаешь лишь в мелочах, например, когда «он делал ей праславянские комплименты; мысли расплзались, как муравьи от кипятка; страх – как главный шар в бильярде: бьет прямо в треугольник мыслей» или герой сидит, «не слушая рассыпчатой болтовни».

Языком Бахтина, стиль выражен через «чужое слово». Вот только идентифицировать персонажей трудно. Друг Коки – русский москвич Лястик – почему-то разговаривает как грузин, а тбилисский Кока кажется москвичом.

Тюремный реализм

«Кока вдруг услышал тюрьму: из-за железных дверей доносились вскрики, смех, щелчки нардов, обрывки голосов. Там шла неведомая и пугающая тайная жизнь; камера во сне сопела, чмокала, повизгивала, всхрапывала, пробормотывала какие-то слова... и было что-то родное, близкое в этих звуках – словно спишь в пионерлагере».

«Своими ногами из рая в ад приперся». Европа, даже Грузия, будто сон, а тюрьма – будто единственная реальность в книге, может, оттого, что в тюрьме всего мало и все замечаешь. Обретают новую силу воспоминания: «...в полудреме на ум приходил родной город, который он скоро, через три года, увидит, и жирные разговоры с бабушкой за чаем с блинчиками». Наконец начинаешь ценить жизнь.

Европейское выживание Коки – «обманывать, мошенничать, побираться, приторговываться» – в тюрьме кажется смешным. «Если в общей хате кто мимо пройдет и что-нибудь бросит, ни за что не поднимай!» – тюрьма – это как войти в «хату» и как там выжить.

«Три обезьянки стоят у бабушки на комоду, подарок дяди Родиона из Лхасы, когда дядя Родион ходил на Тибет» – три главные заповеди тюрьмы: «ничего не слышал, не видел, не скажу».

После останется привычка «делить людей по воровскому принципу: на плохих и хороших». В тюрьме понимаешь: «самое главное для человека – быть одному, а в тюрьме, видно, этого никогда не будет». А за тюремной маячит зона и самое страшное для интеллигента Коки: «работа с утра до вечера!».

На зоне все косят под воров. И Кока оброс тюрьмой, того и гляди сам станет вором... Но спасла мама.

Бог-лекарство и Бог-свобода

«Кока с детства постоянно слышал от всех: “ради бога”, “слава богу”, “не дай бог”, “бог дал – бог взял”, “богу богово”, “одному богу известно”, “божья милость”, “у бога под боком”, “боже мой”... И думал: к кому они обращаются? И лишь в тюрьме Кока впервые в жизни от всей души пожелал: “Господи, помоги!” – украдкой касаясь Библии под подушкой».

Как Блаженный Августин всю «Исповедь» ищет Бога, Кока две трети романа ищет себе лекарство, а оставшуюся треть – свободу.

Сатана в книге определен – это бытие в небытии! А еще есть реальный бандит Сатана – главный антигерой. Опять дуализм.

Основа пути к Богу в тюрьме – смирение с судьбой. А Бог – «небесный вор в полном законе или всевышний Кум». Из тюрьмы Кока привезет Библию и сядет писать свое Евангелие.

Нетривиальный роман

Все всегда травят истории. Дружки, бандиты, Кока в воспоминаниях, зэки в камерах, даже *«окна – живы и шепчутся тихо, надо только вслушаться, о чем говорит солидная рама со своей дочерью, вертихвосткой-форточкой...»*

Поначалу кажется, накопилось, Гиголашвили сбывает истории по дешевке оптом, как амстердамский дружок Коки *«собирается написать свой роман про все на свете»*.

Роман выходит очевидно не с женщинами: *«Ищешь лекарство – не до баб. А когда нашел – опять не до баб...»* И в тюрьме *«Кока о женщинах с момента ареста не думал – не до них, когда рушится судьба»*.

«Не хитроумный» Кока из Парижа, Амстердама, Германии, пятигорских «Лебедей» стремится домой в родной Сололаки к бабушке, больше, чем по реальному миру, бродит по воспоминаниям юности и детства. Но даже в воспоминаниях лейтмотив – все тот же поиск.

Дуализм мира не перестает удивлять автора. Иешуа погибает, а вор в законе Бар-Авва спасен. В тексте привлекает очевидное двоемирие: юность героя и тюрьма. Роман с *лекарством* и роман со свободой. Так пишет грузинский Ирвин Уэлш – Гиголашвили.

Стреляет любое ружье. Герои смотрят *«любимый “Мотылек” с МакКуином, которого зноят в карцере в страшной тюрьме где-то у черта на куличках, в концлагере»* – значит, скоро сами сядут.

«Кока учился жить заново – трезво», но «кайф» возвращается к ним с другом, принесенный в самом конце романа с извинениями бандитом Сатаной: *«Они остались сидеть и ошеломленно смотреть на плотный газетный пакет, не решаясь до него дотронуться...»*

